

УДК 347.6:347.132.6(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-7-147-153

**ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ДОГОВОРНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В.А. Фудашкин, А.Б. Акимжанова

Аннотация. Рассматривается теоретико-правовой анализ договорных конструкций, применяемых в семейном праве Кыргызской Республики. Исследуются сущностные характеристики, правовая природа брачного договора, соглашения о разделе имущества супругов, договора суррогатного материнства, соглашения об уплате алиментов и иных институтов семейно-договорного регулирования. Раскрываются особенности нормативного регулирования данных конструкций, их соотношение с принципами автономии воли и публичного порядка. Обоснована необходимость дальнейшего совершенствования законодательства в целях установления баланса частных и публичных интересов в сфере семейных отношений. Представлены предложения по оптимизации договорных моделей с учётом актуальных социально-правовых вызовов. Работа имеет научно-практическую значимость для развития теории семейного права и совершенствования правоприменительной практики.

Ключевые слова: семейное право; договоры в семейном праве; права несовершеннолетних; брачный договор; договор суррогатного материнства; договор о разделе общего имущества супругов; соглашение об уплате алиментов; соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН
ҮЙ-БҮЛӨЛҮК УКУГУНДАГЫ КЕЛИШИМДИК
КОНСТРУКЦИЯЛАРДЫ ТЕОРИЯЛЫК-УКУКТУК ТАЛДОО**

В.А. Фудашкин, А.Б. Акимжанова

Аннотация. Илимий макала Кыргыз Республикасынын үй-бүлөлүк укугунда колдонулган келишимдик конструкцияларды теориялык-укуктук талдоого арналган. Макалада нике келишиминин, жубайлардын жалпы мүлкүн бөлүштүрүү жөнүндө келишиминин, суррогаттык энелик келишиминин, алимент төлөө тууралуу макулдашуунун жана үй-бүлөлүк келишимдик жөнгө салуунун башка институттарынын маңыздуу өзгөчөлүктөрү жана укуктук табияты изилденет. Автор аталган конструкциялардын укуктук жөнгө салынуусунун өзгөчөлүктөрүн, алардын эрк эркиндиги жана коомдук тартип принциптери менен болгон байланышын ачып көрсөтөт. Үй-бүлөлүк мамилелер чөйрөсүндө жеке жана коомдук кызыкчылыктардын тең салмактуулугун камсыз кылуу максатында мыйзамдарды өркүндөтүүнүн зарылдыгы негизделет. Ошондой эле, учурдагы социалдык-укуктук чакырыктарды эске алуу менен келишимдик моделдерди оптималдаштыруу боюнча сунуштар берилет. Макала үй-бүлөлүк укук теориясын өнүктүрүүдө жана укукту колдонуу практикасында илимий-практикалык мааниге ээ.

Түйүндүү сөздөр: үй-бүлөлүк укук; үй-бүлөлүк укуктагы келишимдер; жашы жете электердин укуктары; нике келишими; суррогаттык энелик келишими; жубайлардын жалпы мүлкүн бөлүштүрүү келишими; алимент төлөө жөнүндө макулдашуу; жашы жете элек балдардын жашоо ордун аныктоо жөнүндө келишим.

THE THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF CONTRACTUAL CONSTRUCTIONS IN THE FAMILY LAW OF THE KYRGYZ REPUBLIC

V.A. Fudashkin, A.B. Akimzhanova

Abstract. The article is devoted to the theoretical and legal analysis of contractual constructions applied in the family law of the Kyrgyz Republic. The study examines the essential characteristics and legal nature of prenuptial agreements, agreements on the division of spouses' property, surrogacy contracts, alimony agreements, and other institutions of family contractual regulation. The author highlights the specific features of the legal regulation of these constructions and their correlation with the principles of autonomy of will and public order. The necessity for further improvement of legislation is substantiated to ensure a balance between private and public interests in the sphere of family relations. Proposals are presented for optimizing contractual models, taking into account current socio-legal challenges. The study has scientific and practical significance for the development of the theory of family law and the enhancement of law enforcement practices.

Keywords: family law; family law contracts; rights of minors; prenuptial agreement; surrogacy agreement; agreement on the division of joint property of spouses; alimony agreement; agreement on the residence of minor children.

Анализ договорных конструкций в семейном праве Кыргызской Республики складывается на пересечении диспозитивных начал гражданского законодательства, регламентированных Гражданским кодексом Кыргызской Республики [1], императивов публичного порядка и гарантий охраны семьи, материнства, отцовства и детства, закрепленных Конституцией Кыргызской Республики [2], Семейным кодексом Кыргызской Республики [3] и Кодексом Кыргызской Республики о детях [4].

Договор, традиционно понимаемый в цивилистической доктрине как акт автономии воли сторон, приобретает в семейном праве сложную правовую природу. Он сохраняет гражданско-правовую форму, но, наряду с этим, его содержание неизбежно ограничивается публичными интересами и принципом приоритета наилучших интересов ребёнка [5].

Юридическая доктрина вырабатывает понятие “семейного договора *sui generis*”, под которым подразумевается соглашение, имеющее смешанную (публично-частную) природу, реализующее одновременно регулятивную и охранительную функции. В отечественной правовой системе наблюдается распространение договорного регулирования семейных отношений: от традиционных имущественных соглашений

супругов к комплексным договорам, опосредующим репродуктивные технологии и родительские права.

В рамках действующего законодательства Кыргызской Республики можно выделить ряд договорных конструкций, которые носят как материально-правовой, так и процедурный характер, внося существенный вклад в частноправовую регламентацию семейных отношений. К числу таких договорных форм, институционализированных в нормативных правовых актах, относятся: брачный договор, договор сурrogатного материнства, договор о разделе общего имущества супругов, соглашение об уплате алиментов, а также соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей.

Анализируя каждую из перечисленных конструкций следует учитывать, что они представляют собой формы реализации свободы гражданского оборота, но при этом ограничены особой “защитной” природой семейного права, призванного, помимо прочего, охранять интересы несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи, а также обеспечивать стабильность и прочность семейных уз.

Прежде всего брачный договор представляет собой соглашение, в соответствии с которым супруги либо лица, намеренные вступить в брак,

определяют свой имущественный режим, а также иные вопросы, связанные с распределением прав и обязанностей в семье. В отличие от классических гражданско-правовых договоров, брачный договор регулируется нормами семейного законодательства, а именно положениями гл. 9 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3], и нуждается в особых условиях действительности.

Принципы добровольности, равенства сторон и недопустимости противоречия брачного договора основным началам семейного права служат базовыми критериями, ограничивающими свободу усмотрения супругов. Данная договорная конструкция, с одной стороны, расширяет диспозитивные возможности супругов, позволяя им отступать от законного режима совместной собственности, закреплённого в ст. 35 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3], и устанавливать режим долевой или раздельной собственности. С другой стороны, условия брачного договора не могут затрагивать неимущественные аспекты – права и обязанности супругов в отношении детей или принципы осуществления родительских прав, а также не могут ставить одного из супругов в крайне неблагоприятное положение. Это подчёркивает баланс между автономией воли сторон и публично-правовыми интересами защиты лиц в семейных отношениях. В научном плане правовая природа брачного договора сочетает в себе черты гражданско-правового обязательства и особые требования семейного законодательства, ограничивающего возможности установления условий, прямо противоречащих нравственным устоям общества.

Следующая договорная конструкция – договор суррогатного материнства – занимает относительно новое место в правовом поле Кыргызской Республики. Потребность в её правовом оформлении возникла в силу развития репродуктивных технологий и необходимости урегулировать сложные коллизии, возникающие при рождении ребёнка суррогатной матерью по соглашению с потенциальными родителями.

Семейный кодекс Кыргызской Республики [3] упоминает договор суррогатного материнства в числе основных понятий (ст. 2), определяя

его как соглашение между женщиной, которая соглашается выносить и родить ребёнка путем имплантации эмбриона или искусственного оплодотворения, и лицами (как правило, супружеской парой), желающими иметь ребёнка. При этом детальное содержание такого договора во многом опирается на нормы смежного законодательства – гражданского, медицинского, а также на подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие порядок применения вспомогательных репродуктивных технологий. К таковым относятся:

- Порядок и условия использования вспомогательных репродуктивных технологий [6];
- Порядок и условия использования процедуры суррогатного материнства [7];
- Порядок и условия донорства половых клеток, а также хранения и использования репродуктивных органов, тканей и биоматериалов [8].

Ключевыми элементами договора суррогатного материнства выступают взаимные права и обязанности сторон, в соответствии с которыми потенциальные родители обязуются компенсировать суррогатной матери расходы, связанные с беременностью и родами, а суррогатная мать, в свою очередь, берёт на себя обязательства пройти все необходимые медицинские процедуры и передать новорожденного ребёнка потенциальным родителям после родов. Несмотря на то, что такая договорная модель формально относится к гражданско-правовым соглашениям, она прямо пересекается с семейно-правовой плоскостью, ведь предметом регулирования фактически являются будущие личные неимущественные и имущественные правоотношения, связанные с правовым статусом ребёнка и его родителей.

Семейно-правовой характер договора суррогатного материнства проявляется в приоритете защиты интересов ребёнка и недопустимости превращения его рождения в коммерческую сделку, что объясняет общеобязательные требования к добросовестности и защищённости сторон. Вместе с тем, договор суррогатного материнства может оспариваться или признаваться недействительным, если его положения нарушают права и интересы ребёнка или если одна

из сторон скрыла существенные обстоятельства, влекущие невозможность его полноценного исполнения.

Важной договорной конструкцией является соглашение о разделе общего имущества супругов. В отличие от брачного договора, который может быть заключён как до заключения брака, так и в его процессе, соглашение о разделе общего имущества чаще всего оформляется уже после того, как имущество было накоплено в браке. Это соглашение может выступать отдельным самостоятельным документом или являться частью брачного договора. Его юридическая сущность состоит в том, что супруги добровольно распределяют между собой имущество, находящееся в их совместной собственности, определяют величину долей либо передают отдельные объекты тому или иному супругу. В соответствии со ст. 39 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3], заключение подобного соглашения допустимо в период брака или после его расторжения, что существенно расширяет свободу сторон и может способствовать досудебному разрешению потенциальных споров. Однако, действуя в рамках семейного законодательства, стороны такого соглашения не вправе нарушать права и законные интересы совместных детей. При наличии несовершеннолетних детей соглашение о разделе имущества нередко требует контроля со стороны государственных органов, в частности территориальных подразделений уполномоченного органа по защите детей, чтобы удостовериться в защите прав ребёнка. Таким образом, соглашение о разделе общего имущества супругов сочетает в себе частно-правовую составляющую (диспозитивность, свобода договора) и публично-правовой элемент (охрана интересов детей).

Соглашение об уплате алиментов в семейном праве Кыргызской Республики представляет собой договорную конструкцию, позволяющую взыскателю (чаще всего родителю, с которым проживает ребёнок, либо иным членам семьи, имеющим право на алименты) и плательщику алиментов самостоятельно определить размер, сроки и способы уплаты алиментов. По своей правовой природе оно близко к гражданско-правовым сделкам, но регулируется нормами

семейного права (гл. 17 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3]). Существенным его отличием от гражданско-правовых обязательств является то, что соглашение об алиментах подлежит обязательному нотариальному удостоверению и обретает силу исполнительного листа. Это подчёркивает особую значимость защиты получателя алиментов, чаще всего несовершеннолетнего ребёнка или нетрудоспособного члена семьи. Свобода договора в данном случае ограничена тем, что размер алиментов не может быть ниже того, который ребёнок получил бы при принудительном взыскании в судебном порядке (ст. 86 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3]). Данное требование направлено на недопущение злоупотреблений со стороны лица, обязанного уплачивать алименты. Помимо размера выплат стороны вправе определить любую удобную форму (долевую, твёрдую денежную, комбинированную, передачу имущества, открытие личного счёта ребёнка и др.), а также иные условия, способствующие своевременной и гарантированной уплате алиментов. Однако соглашение не может противоречить основополагающим принципам семейного права: заинтересованные лица (территориальные подразделения уполномоченного государственного органа по защите детей или прокурор) в случае ущемления интересов ребёнка вправе потребовать признания соглашения недействительным.

Соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей также представляет собой одну из договорных форм урегулирования отношений супругов (либо родителей, не состоящих в браке). В условиях действующего Семейного кодекса Кыргызской Республики [3] его сущность сводится к тому, что родители путём взаимного согласия определяют, с кем из них остаётся ребёнок в случае раздельного проживания родителей, а также устанавливают порядок общения второго родителя с ребёнком и возможные материальные аспекты такого общения (к примеру, распределение расходов на проезд, отдых и т. п.). Эта договорная модель отражает основной подход семейного права к приоритету защиты интересов ребёнка: чем меньше спорных ситуаций, влекущих судебные разбирательства, тем благополучнее сохраняется

эмоциональное состояние ребёнка и повышается стабильность в семье. При этом, соглашение сторон о месте жительства ребёнка не должно противоречить нормам ст. ст. 70 и 71 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3], которые устанавливают судебный порядок разрешения при возникновении спора или при наличии препятствий к общению одного из родителей с ребёнком. Таким образом, соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей наглядно демонстрирует степень допустимого консенсуса в семейной сфере, позволяя родителям найти компромисс, который учитывает прежде всего интересы ребёнка. При недостижении взаимного согласия либо при выявлении обстоятельств, угрожающих интересам ребёнка, вмешиваются либо органы опеки (территориальные подразделения уполномоченного государственного органа по защите детей), либо судебные инстанции. В научном дискурсе данное соглашение иногда рассматривается как часть более широкой договорённости о правах и обязанностях родителей по воспитанию и содержанию ребёнка, включая алименты и порядок участия родителя, проживающего отдельно, в жизни ребёнка.

Все вышеперечисленные договорные конструкции, будучи формально-юридическими актами соглашения между сторонами, обладают рядом общих черт, отличающих их от “классических” гражданско-правовых сделок. Главной особенностью является императивный контроль со стороны государства, проявляющийся как в требованиях о нотариальном удостоверении, так и в потенциальном участии уполномоченных государственных органов при нарушении интересов ребёнка. Кроме того, семейное право исходит из принципа приоритета семейных ценностей и государственной охраны материнства, отцовства и детства, что отражено в ст.ст. 1 и 3 Семейного кодекса Кыргызской Республики [3]. Вследствие этого, любые условия таких договоров, которые ставят одну из сторон в крайне невыгодное положение, либо прямо или косвенно умаляют права детей, признаются недействительными. Вторым важным отличием является тесное сочетание имущественных и личных неимущественных отношений в семейном праве, вследствие чего отдельные

договоры могут быть недопустимы либо ограничены, если затрагивают личные аспекты, принадлежащие сторонам по рождению или в силу близких родственных связей. Третьим отличием можно назвать более высокую роль “морально-нравственных” критериев, которые в гражданском обороте носят факультативный характер, а в семейном праве получают официальное закрепление в виде запретов на определённые действия, идущие вразрез с принципами гуманности и справедливости.

С теоретико-правовой точки зрения договорные конструкции в семейном праве Кыргызской Республики сосуществуют с императивными способами защиты прав и интересов семьи, такими как судебные решения о взыскании алиментов, о месте проживания ребёнка, о разделе имущества. Эта “двухуровневая” модель – договорная и судебная – обеспечивает баланс между диспозитивностью, позволяющей сторонам самим регулировать отношения, и принципом государственной охраны, не допускающим нарушений прав и законных интересов несовершеннолетних, нетрудоспособных членов семьи. Применительно к научному анализу данный дуализм может быть рассмотрен как проявление особого правового режима в семейной сфере, в котором доминируют морально-нравственные начала, а институт договора выполняет лишь вспомогательную роль. Однако с учётом современной тенденции к увеличению роли правовой автономии в семейной жизни можно говорить о постепенном расширении договорных конструкций и усовершенствовании правовых инструментов для самостоятельного упорядочения супругами или родителями своих взаимоотношений. В конечном итоге это позволяет снизить уровень конфликтности и уменьшить судебную нагрузку, поскольку добровольное соглашение, особенно удостоверенное нотариусом, способно выступать эффективным механизмом предупреждения споров.

При оценке договорных конструкций в семейном праве не следует упускать из виду и их соотношение с гражданским законодательством. Семейное законодательство Кыргызской Республики, опираясь на Гражданский кодекс Кыргызской Республики [1] в части субсидиарного

применения норм, одновременно создаёт свою собственную, особую “среду”, в которой применяются принципы добровольности, запрета злоупотребления правом, добросовестности и справедливости. В этой связи, когда стороны семейно-правового договора обращаются к гражданско-правовым нормам, они обязаны проверять их соответствие природе семейных отношений и интересам ребёнка. В случае противоречия императивным нормам семейного права, гражданско-правовые принципы не могут применяться напрямую. Так, например, брачный договор не может включать в себя условия, ограничивающие свободу одного из супругов в выборе места жительства или рода деятельности, потому что это выходило бы за рамки имущественных правоотношений и вступало бы в конфликт с личными правами супругов, закреплёнными Семейным кодексом Кыргызской Республики [3].

Таким образом, анализ договорных конструкций в семейном праве Кыргызской Республики свидетельствует о том, что, несмотря на их явное развитие и распространение, свобода соглашений в семейно-правовых отношениях принципиально ограничена публично-правовым элементом охраны интересов семьи и прежде всего детей. Как показывает доктринальная и правоприменительная практика, каждая из рассматриваемых форм договора – брачный договор, договор суррогатного материнства, соглашение о разделе общего имущества супругов, соглашение об уплате алиментов, а также соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей – реализует в большей или меньшей степени принцип диспозитивности, однако в любой из них чётко прослеживается интерес государства к недопущению злоупотреблений правом, дискриминации и ущемления прав более уязвимых участников семейных отношений. Эта специфика подчеркивает комплексность семейного права как области, где пересекаются элементы частного права (автономия воли, равенство сторон, свобода договора) и публичного права (императивная защита интересов несовершеннолетних, охрана материнства и отцовства, запрет злоупотребления родительскими правами).

В научно-практическом плане целесообразно дальнейшее совершенствование законодательной базы, регламентирующей указанные договорные институты. В частности, брачный договор в ряде зарубежных правовых систем может включать положения относительно порядка воспитания детей, однако в Кыргызстане эти положения признаются недействительными, поскольку влекут нарушение императивных норм об интересах несовершеннолетних. Договор суррогатного материнства нуждается в более детальной правовой регламентации, чтобы избежать коллизий, связанных с установлением или оспариванием родительских прав. Соглашение о разделе общего имущества может быть детализировано через создание чётких нотариальных форм, упрощающих процедуру заключения и обеспечивающих защиту прав детей. В отношении алиментных соглашений требуется упрощённый механизм исполнения и усиленное взаимодействие с территориальными подразделениями Службы судебных исполнителей. Таким образом, соглашение о месте проживания несовершеннолетних детей могло бы получить специальное правовое оформление (например, в виде отдельной нотариальной формы) при условии, что в нём будет обязательно учитываться мнение самого ребёнка, достигшего определенного возраста, а также будут прописаны гарантии посещения другим родителем и иными родственниками, чтобы предотвратить споры в будущем.

Подводя итоги, следует заключить, что договорные конструкции в семейном праве Кыргызской Республики становятся всё более востребованными инструментами регулирования отношений, что обусловлено как объективными социально-экономическими изменениями, так и субъективным стремлением супругов, родителей и иных участников семейных отношений к гибкому и индивидуальному урегулированию взаимных прав и обязанностей. Однако из-за особой природы семейно-правовых отношений и необходимости защиты публичных интересов семейное законодательство устанавливает ряд существенных ограничений, направленных на соблюдение прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи.

Научное исследование данной сферы должно продолжаться с учётом практики реализации и актуальных изменений в правовой системе, чтобы вырабатывать оптимальный баланс между принципом свободы договора и принципами, характерными для семейного права, такими как забота о всестороннем и гармоничном развитии детей, обеспечение равноправия супругов и устойчивости семейных отношений.

Поступила: 16.04.2025;

рецензирована: 30.04.2025; принята: 12.05.2025.

Литература

1. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть 1) от 8 мая 1996 года № 15 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4/edition/14707/ru> (дата обращения: 23.03.2025).
2. Конституция Кыргызской Республики (Принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 27.03.2025).
3. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 года № 201 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1327/edition/1163855/ru> (дата обращения: 27.03.2025).
4. Кодекс Кыргызской Республики о детях от 10 июля 2012 года № 100 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-41/edition/1208810/ru> (дата обращения: 27.03.2025).
5. Абдымомунова Б.А. Основные права детей и обеспечение защиты их прав в Кыргызской Республике / Б.А. Абдымомунова // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11. № 12. С. 65–68.
6. Порядок и условия использования вспомогательных репродуктивных технологий (Утвержден постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 14 октября 2024 года № 616) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/50-567/edition/18311/ru> (дата обращения: 07.04.2025).
7. Порядок и условия использования процедуры суррогатного материнства (Утвержден постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 14 октября 2024 года № 616) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/50-568/edition/18312/ru> (дата обращения: 11.04.2025).
8. Порядок и условия донорства половых клеток, а также хранения и использования репродуктивных органов, тканей и биоматериалов (Утвержден постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 14 октября 2024 года № 616) // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/50-569/edition/18315/ru> (дата обращения: 12.04.2025).